

Четверь, 5 августа 1904 г.

Условія газетскія съ доставкой и пересылкою городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ:

12 м.—9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р.
25 к., 8 м.—6 р. 50 к., 7 м.—6 р. 75 к., 6 м.—5 р. 50 к.,
4 р. 25 к., 4 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р. 75 к., 2 м.—2 р.
1 м.—1 р.

За пересылку загранич. перем. добавоч. 60 к. ежемесячно.

Подписка принимается съ каждаго 1-го числа.

За перемѣну адреса взимается 25 к.

За объявленія за строку, занимаемую петитомъ на 1-й страницѣ, 20 к., на 4-й страницѣ—10 к.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію.

За разсыл. приложений при газетѣ—3 р. отъ каждаго тысяч.

Главная контора помещается въ Ростовѣ на Дону, на Бод.

Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. ве-

чера, въ воскресныя и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.

Отдѣльное нумера въ Ростовѣ нд. и въ отдѣленіяхъ—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

№ 207. Годъ четырнадцатый. № 207.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Четверь, 5 августа 1904 г.

Редакция газеты помещ. въ Ростовѣ на Дону, на Бод. Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Газетная для печати, обложка, отпр. отъ 12 до 2 ч. дня.

Статьи должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора. Принятые статьи, не усмотрѣны редакціей, подлежатъ измѣненію и сокращенію. Статьи безъ означенія условій считаются бесплатными. Мелкія замѣтки уничтожаются, статьи сокращаются 1 мѣсяца. Пересылку рукописей обратно авторамъ редакція за себя не принимаетъ. Гонимаръ выдается въ конторѣ по субботамъ отъ 10 до 1 часа дня. Тамъ же редакція № 6.

Отдѣленія для гд. Приазовскій Край: гд. влѣд. фирмъ: 1. "Правда", издѣлывается въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Рязани, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Приазовскій край и загранично, принадлежатъ исключител. въ контрольной конторѣ объявленій торгового дѣла. 4-й Матвѣевъ въ Москвѣ, въ домѣ Сытова, и въ отс. "Правда" въ С.-Петербургѣ на В. Морской, № 11, ч. 4-й. Барнаулъ, Красноярскъ предм. № 53.—по таксѣ: возм. гонимаръ по 12 к., а въ раздѣ таксѣ по 25 к. за строку петита или занимаемое имъ мѣсто.

АРАБЕСКИ.

Нѣкій Мансфельдъ сообщаетъ въ газетахъ очень интересную, особенно для насъ, таганрожцевъ, подробность изъ жизни незабвеннаго А. П. Чехова.

Въ 1885 году къ г. Мансфельду, редактору журнальчика «Радуга», явился молодой человекъ, назвавшій себя Чеховымъ, и предложилъ большой романъ изъ жизни одного южнаго города, который тогда вызвалъ особый интересъ таможеннымъ крахомъ, главнымъ героемъ коего былъ извѣстный миллионеръ Вальяно.

Ясно, что романъ былъ написанъ изъ жизни Таганрога.

Здѣсь, именно въ 1881 г., были обнаружены таможенные хищенія, въ которыхъ принимали участіе очень многіе именитые таганрогскіе граждане, чиновники таможни и многія дамы мѣстнаго общества.

А. П. Чеховъ окончилъ гимназію въ 1879 году, и затѣмъ, будучи студентомъ, часто пріѣзжалъ въ Таганрогъ. Знакомство у него было обширное въ различныхъ слояхъ общества, и онъ, несомнѣнно, при своей исключительной наблюдательности, узналъ и подмѣтилъ очень многое, что не было доступно обыкновенному обывателю.

Къ сожалѣнію, романъ попалъ къ редактору захудалаго журнальчика, который оцѣнивалъ литературныя произведенія по вѣсу, а не по качеству,—и Чехову было отказано.

Куда дѣвался этотъ романъ—неизвѣстно.

Можно лишь съ увѣренностью сказать, что Чеховъ ни въ коемъ случаѣ живыхъ людей, списанныхъ съ образцовъ, не изображалъ, никакого пасквиля не сочинялъ. Онъ нарисовалъ, вѣроятно, картину жизни портового города, съ его хищеніями, разнузданной жизнью, алчностью, доходящею до преступленія...

Онъ могъ нарисовать яркіе типы, и возможно, что въ нихъ нашли бы сходство съ дѣятелями того хищническаго времени, но это вовсе не пасквиль, не изображеніе частныхъ лицъ.

Въ каждомъ чеховскомъ героѣ мы узнаемъ живого человека, хорошо намъ знакомаго, и, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ нихъ не списанъ фотографически съ опредѣленныхъ лицъ.

Такъ что можно быть спокойнымъ, что и въ этомъ, къ сожалѣнію исчезнувшемъ, романѣ никто изъ таганрожцевъ не выведенъ, никто не посрамленъ и никому поэтому не пришлось бы за себя краснѣть, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы получили бы блестящее, яркое изображеніе недавняго прошлаго, которое, увы, еще до сихъ поръ незабыто и даетъ себя чувствовать весьма часто!..

Жаль, что г. Мансфельдъ былъ такъ близорукъ! Жаль, что Чеховъ, тогда очень нуждавшійся въ деньгахъ, такъ и не могъ пристроить своего романа.

Можетъ быть, это была талантливо нарисованная картина нашей провинціи; можетъ быть, молодой писатель, тогда только окончившій университетъ, написалъ вторыя «Мертвыя души», которая ему пришлось наблюдать еще въ юности... Какъ знать? Прочитавъ въ газетахъ объ исчезнувшемъ романѣ изъ таганрогской жизни, я вспомнилъ и одинъ рассказъ А. П. Чехова, мѣсто дѣйствія котораго тоже — Таганрогъ и его окрестности.

Рассказъ называется — «Огни».

Если не ошибаюсь, первоначально онъ былъ напечатанъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ 80-годахъ и имѣлъ большой успѣхъ.

Разсказъ начинается описаніемъ Карантина, царской бесѣдки въ немъ и моря. Герой разсказа встрѣчается здѣсь съ другомъ дѣтства, молодой русской дамой, жившей тогда въ Карантинѣ на дачѣ,—женой одного грека. Трогательная встрѣча вызываетъ воспоминанія о прошломъ, откровенныя бесѣды о печальномъ настоящемъ.

Дама несчастна. Она не любитъ мужа, не уважаетъ его, ничего общаго съ нимъ у нея нѣтъ.

Затѣмъ дѣйствіе переносится въ одну изъ гостиницъ на Петровской улицѣ---и этимъ разсказъ кончается...

Въ Таганрогѣ онъ произвелъ сенсацию.

Начали искать живыхъ людей, съ которыхъ будто бы Чеховъ списалъ своихъ героевъ—и, разумѣется, нашли, потому что въ Таганрогѣ очень много русскихъ дѣвицъ выходятъ замужъ за грековъ, другого же сходства, всеконечно, не было.

Называли дамъ: одну, другую, третью. Допрашивались, когда именно въ послѣдній разъ пріѣзжалъ сюда Чеховъ, былъ ли въ Карантинѣ,---и въ концѣ концовъ рѣшили, что изображены такіе-то.

Объ этомъ тогда много говорили и ставили въ укоръ писателю, зачѣмъ, молъ, «срамить» своихъ знакомыхъ...

Когда чрезъ нѣкоторое время А. П. пріѣхалъ въ Таганрогъ, ему говорили:

— А вѣдь въ «Огняхъ» вы изображали такихъ то?..

Антонъ Павловичъ это глубоко огорчило.

— Но вѣдь никакого же сходства, —возмущался онъ,---да я ихъ совсѣмъ и не знаю...

Если бы не было описанія Карантина, никто бы и не подумалъ подставлять опредѣленныхъ лицъ... Какъ любить провинція пасквили, даже въ разсказѣ, свободномъ, объективномъ творчествѣ! Самовольно подставляетъ живыхъ людей и превращаетъ его въ пасквиль!.. Совсѣмъ не думалъ, что

здѣсь именно съ этой стороны начнутся изслѣдованія... Вотъ непріятность!..

Потомъ объ этомъ забыли и самъ А. П. въ слѣдующіе пріѣзды сюда уже не вспоминалъ объ «Огняхъ».

Но вотъ что любопытно.

Когда появились воспоминанія г. Мансфельда, я вспомнилъ объ «Огняхъ», таганрогской изъ-за нихъ сенсациі,---и хотѣлъ перечитать вновь этотъ замѣчательно красивый, нѣжными красками написанный, рассказъ.

Началъ искать въ полномъ собраніи сочиненій, изданія Маркса,---и не нашелъ!

Очевидно, А. П. исключилъ его изъ послѣдняго изданія. Почему?

Я думаю, что причиной были таганрогскіе разговоры.

Въ высокой степени деликатный, чуткій, никогда никого не обидѣвшій, осторожный до щепетильности въ отношеніяхъ къ людямъ, А. П. былъ глубоко огорченъ предположеніями, будто онъ изобразилъ живыхъ людей и, такъ сказать, вывелъ ихъ на публичное поруганіе... Этого, конечно, не было и не могло быть, да и сходства никакого не было, но объ этомъ говорятъ съ увѣренностью, какъ тутъ возражать? А, между тѣмъ, сплетни могли достигнуть и заинтересованныхъ лицъ, онѣ могли обидѣть, причинить имъ горе... И Антонъ Павловичъ исключаетъ свой прелестный рассказъ изъ полнаго собранія сочиненій!..

И послѣ этого можетъ ли быть хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что и въ большомъ романѣ, посвященномъ таганрогской контрабандѣ, не было ни одного лица, списаннаго съ опредѣленнаго оригинала?..

Заговоривъ вновь объ А. П., о которомъ еще не скоро перестанутъ вспоминать съ чувствомъ самой жгучей боли, какъ это бываетъ при потерѣ близкаго, дорогого человѣка, я вспомнилъ еще и его рассказъ о причинахъ, по которымъ театральныи комитетъ отказался поставить «Дядю Ваню» на московской Императорской сценѣ.

— Мнѣ предложили передѣлать,--- говорилъ онъ,---я отказался. Другое дѣло, когда редакторъ журнала или газеты требуетъ передѣлокъ. Онъ несетъ отвѣтственность. Иной разъ приходится уступить. А комитетъ при театрѣ какую же отвѣтственность несетъ? Тутъ авторъ самъ за себя отвѣчаетъ.

— Какой же передѣлки требовали отъ васъ?

— Да, видите ли, какая исторія,— съ улыбкой, особенно симпатичной у него, мягкой, какой то всепрощающей, —отвѣчалъ А. П.,—комитетъ нашелъ очень обиднымъ для профессора, извѣстнаго ученаго, что его критикуетъ, бичуетъ, называетъ полной бездарностью какой то неучъ, ничего не знающій степнякъ дядя Ваня. Говорятъ; это невозможно, передѣлайте такъ, чтобъ вашъ Ваня получилъ законченное образованіе, тогда можно... Ну, я отказался... Чего еще захотѣли! Чтобъ я давалъ образованіе героямъ своихъ произведеній по ихъ указаніямъ. Одного въ университетъ, другого въ уѣздное училище. Это ужъ мое дѣло... Такъ и не согласился... И больше имъ ни одной пьесы не дамъ!..

Помню еще А. П. удивлялся неоднократно критикамъ, которые обвиняли Потапенко за многописаніе, и что будто поэтому онъ пишетъ хуже, чѣмъ могъ бы, если бы писалъ рѣже.

— Вовсе это не такъ. Потапенко себя нисколько не насилуетъ. Онъ пишетъ легко, свободно и умѣетъ писать много безъ всякаго напряженія силъ. Это свойство его таланта. А критики, не разбирая самыхъ произведеній, привязываются къ количеству. Если бы Потапенко написалъ только одинъ рассказъ въ 5 лѣтъ, они упрекали бы тогда за другое. Мало пишетъ, молъ, потому и не такъ, какъ, по ихъ мнѣнію, нужно писать. А дѣло въ томъ, что у Потапенко, кромѣ таланта, какъ беллетриста, еще особый талантъ—писать много и легко, безъ усталости. Если бы онъ писалъ меньше, это скорѣе ухудшило бы его произведенія, потому что пришлось бы подавлять творчество...

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, А. П. во всѣхъ случаяхъ находилъ умаляющія вину обстоятельства.

И въ своихъ произведеніяхъ, и въ жизни онъ былъ только защитникъ, и защитникъ блестящій, тонкій, гуманный, готовый даже принять вину на себя, лишь бы избавить обвиняемаго отъ нареканій—и это бывало неоднократно...

Обвинять же онъ вовсе не умѣлъ и прокуроръ изъ него вышелъ бы очень плохой...

Шиллеръ изъ Таганрога.